DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.034

УДК 821.161.1-3 Достоевский + 808.1 + 27-277.2

О. Д. Кошелева**Н. В. Пращерук**

О МЕТАСЮЖЕТЕ ЧТЕНИЯ ВСЛУХ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена четырем эпизодам чтения Священного Писания в романах Ф. М. Достоевского. Среди них: сюжет о воскрешении Лазаря в «Преступлении и наказании», два прочтения Послания Ангелу Лаодикийской церкви в «Бесах» и рассказ о чуде в Кане Галилейской в «Братьях Карамазовых». Выявляется содержательное и структурное сходство этих эпизодов. Во всех эпизодах обязательно присутствуют герои-читатели и герои-слушатели. Герои-читатели всегда являются людьми стойкой веры, в то время как герои-слушатели пребывают в духовном кризисе. Прочтенный же отрывок неизменно представляет собой символический рассказ о герое-слушателе и предлагает персонажу не готовые ответы, но направление для движения к новой жизни, к работе над душой. В результате исследования делается вывод о существовании метасюжета чтения вслух Священного Писания в романах Ф. М. Достоевского.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ф. М. Достоевский; метасюжет; чтение Священного Писания; Евангелие; Апокалипсис; «Преступление и наказание»; «Бесы»; «Братья Карамазовы»

Одной и, пожалуй, самой важной составляющей объемного и разветвленного сюжета чтения в произведениях Ф. М. Достоевского являются эпизоды чтения героями вслух Священного Писания, которые, с одной стороны, непосредственно — евангельским языком/языком священного текста — являют метафизический план изображенного в романе в целом, а с другой — связаны с героями, перипетиями их пути. В статье мы остановимся на эпизодах чтения о воскрешении Лазаря в «Преступлении и наказании», Послания Ангелу Лаодикийской церкви в «Бесах» (чтение Николаю Ставрогину и Степану Трофимовичу), а также на главе «Кана Галилейская» в «Братьях Карамазовых».

В романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» читается Евангелие от Иоанна, в «Бесах» — отрывок из Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова). И это, конечно, не случайно. Во-первых, известно, какую роль в религиозном мировоззрении и творчестве Ф. М. Достоевского играло именно это четвертое Евангелие, принадлежащее, по церковному преданию, перу любимого ученика Христова, апостола Иоанна, во-вторых, как справедливо указывает Б. Н. Тихомиров, «в общей структуре Четвероевангелия последняя книга оказывается своеобразным “мистическим фундаментом” в том числе и для моральной евангельской проповеди, сосредоточенной в первых трех книгах» [Тихомиров, с. 290].

КОШЕЛЕВА Оксана Дмитриевна — магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета (e-mail: Ok.Koshelevva@yandex.ru).

ПРАЩЕРУК Наталья Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета (e-mail: pnv1108@gmail.com).
ORCID: 0000-0003-4407-5293

© Кошелева О. Д., Пращерук Н. В., 2021

Тот же «мистический фундамент» обращения героев к этим священным текстам, а также самих эпизодов чтения ярче осознается при сопоставлении с известным финальным эпизодом из «Воскресения». Главный герой Толстого обращается именно к Нагорной проповеди, сознательно возвращая нас к закону, к нравственным императивам, отлученным от таинств соединения с Христом в мистическом опыте. В связи с этим сошлемся на суждение Л. Шестова, которое приводит в своих комментариях Б. Н. Тихомиров: «...как только [Раскольников] замечает у Сони Евангелие, он просит прочесть ему про воскресение Лазаря. Ни Нагорная проповедь, ни притча о фарисее и мытаре — словом, ничто из того, что было переведено из Евангелия в современную этику, по толстовской формуле — “добро, братская любовь — есть Бог”, не интересует его. Он все это допросил, испытал и убедился, как и сам Достоевский, что отдельно взятое, вырванное из содержания Священного Писания, оно становится уже не истиной, а ложью. Подобно тому, как Раскольников ищет своих надежд лишь в воскресении Лазаря, так и сам Достоевский видел в Евангелии не проповедь той или иной нравственности, а залог новой жизни» (цит. по: [Тихомиров, с. 290–291]).

В рассуждениях Л. Шестова обозначена сама суть того, что значит для героев чтение Евангелия — не проповедь нравственного поведения, а именно «залог новой жизни», живое присутствие в слове Слова, подлинной жизни во Христе. Такое отношение к чтению евангельских текстов, приводящее к кардинальному изменению пути, преображению внутреннего человека или же прояснению своего места в мире в свете Христовой Правды, известно еще по «Исповеди» Блаженного Августина. Описывая немало эпизодов из собственного читательского опыта, Блаженный Августин как раз четко разделяет чтение светской литературы, философской, научной, и чтение Евангелия и апостольских текстов, которые трактуются им как своеобразная «подсказка» от Бога, как подлинная пища для сердца, живая вода для возрастания души и духа. Такое чтение — всегда мистический опыт, вхождение в область богообщения, прикосновение к Тайне и Истине [Бл. Августин Гиппонский].

В романах Ф. М. Достоевского показательно, что герои выбирают форму чтения вслух, которая была единственно возможной на протяжении многих веков, но к моменту написания романов оказалась практически вытесненной чтением «про себя». Бытовало лишь более или менее регулярное семейное чтение, выполняющее воспитательную и образовательную функции, чтение авторами своих произведений в салонах с последующим обсуждением, а также богослужбное чтение в храмах (подробнее о традиции чтения вслух см.: [Рейтблат, с. 30–35]). Думается, выбор Достоевским чтения вслух для своих героев имел особое значение, обусловленное его авторской позицией, характером его художественного мышления. Чтение вслух позволяет разрушить уединенность Раскольникова и Ставрогина, нарастающее отчуждение от людей Алеши. Оно призвано объединить героев, дает возможность читающему и слушающему вместе обрести новый смысл с помощью книги. Этим эпизоды чтения священных текстов кардинально отличаются от чтения художественной литературы у Ф. М. Достоевского. Так в «Записках из подполья» книги служат для героя источником готовых форм

и моделей, с помощью которых он «эстетизирует свой облик и поведение» [Турешева, с. 208]. Кроме того, герой читает один, про себя, что усиливает его разобщенность с другими людьми. Разбираемые нами эпизоды чтения вслух, напротив, призваны вырвать героев из своей погруженности внутрь себя, давая им единение с другим человеком при помощи звучащего текста.

Очевидно, что, включая эпизоды чтения священных текстов в свои романы, Ф. М. Достоевский опирается на традицию, заложенную еще Блаженным Августином. Показательно и то, как изменялся эпизод чтения рассказа о Лазаре в «Преступлении и наказании» (см.: [Тихомиров, с. 289–290]). Следуя цензурным требованиям, писатель, работая над этим фрагментом, существенно переосмысляет и значение эпизода в целом, и образ Сонечки, лишая ее поведение всяческого дидактизма и желая воздействовать на Раскольникова прямым словом, призывом следовать нравственным императивам, что называется, «от себя». В этом заключается главная особенность героя, который читает Евангелие в «Преступлении и наказании». В отличие от Тихона в «Бесах» и Зосимы в «Братьях Карамазовых», Соня такая же грешница, как и Раскольников, а не святой старец и духовный наставник. Поэтому текст, прочитанный ею, имеет на него такое воздействие. Читая Евангелие вместе, они вместе движутся по тексту, вместе наполняются радостью и торжеством от предчувствия чуда. Конечно, Раскольников в момент чтения, в отличие от Сони, «не основывает весь смысл своего существования» [Сальвестрони, с. 61] на этих, читаемых вслух евангельских словах. Однако благодаря тому, что текст читает именно верующая, но грешная Соня, и текст этот также для нее и про нее, как и про Раскольникова, этот отрывок становится таким же значимым и для него. Данный эпизод как ключевой в романе и как поворотный в судьбах Раскольникова и Сони подробно проанализирован в трудах достоевсковедов [Захаров; Касаткина; Степанян; Сальвестрони; Тихомиров] и др. Все они справедливо сходятся в мысли, что, подобно тому, как Христос не сразу воскрешает Лазаря, так и духовное преображение Раскольникова совершается не вдруг [Сальвестрони, с. 63; Степанян, с. 130; Касаткина, с. 187–216]. При этом, если смотреть текст Евангелия целиком, видно, что Достоевский опускает строки, которые не касаются непосредственно Лазаря. Это позволяет сделать прочитанный эпизод менее назидательным, подчеркнуть чудо, случившееся с Лазарем, которое может быть для Раскольникова указанием на будущее воскрешение. С. Сальвестрони, называя параграф в своей монографии, посвященный разбору этого эпизода, «Ощущение второго богоприсутствия...», прямо соотносит поведение Сони с евангельскими событиями: «Подобно сестрам Лазаря, а также Марии в эпизоде свадьбы в Кане Галилейской, Соня со своей любовью и безграничной верой вступает за Раскольникова и ведет его по пути, который он не был бы способен принять и пройти один» [Сальвестрони, с. 63]. Это путь к воскресению, путь победы над тленом и смертью.

Важно, что в первоначальном варианте Евангелие читалось по инициативе Сони, а в окончательном варианте оно звучит независимо от ее воли, даже как будто вопреки ее желанию. Как верно отмечает Б. Н. Тихомиров, «евангельское» теперь строго локализовано и не выходит за пределы читаемого ею Раскольникову

рассказа о воскрешении Лазаря [Тихомиров, с. 290]. Любопытно, что этот отрывок она знала наизусть. Этот текст словно уже слился с ней, живет в ее сознании вместе с любовью ко Христу. Она будто служит божественным рупором, транслируя божественное слово там, где оно действительно нужно для спасения души. Свою любовь и восторг от текста она старается передать Раскольникову, и у нее это получается: «Голос ее стал звонок, как металл; торжество и радость звучали в нем и крепили его» [Достоевский, 1973, с. 251].

Интересно, что в этом эпизоде участвует и тайный слушатель — Свидригайлов, тоже Лазарь, заключенный в свою гробницу растленной плотью. Но стена, отделяющая его от Раскольникова и Сони, так и остается непреодолимым препятствием к выходу из «гроба повапленного», символично и то, что чтение предназначалось не ему. Справедливо замечает Т. А. Касаткина: «Свидригайлов вовсе не двойник Раскольникова... Перед нами в сущности две параллельные истории, у которых совпадают очень многие формальные моменты — и все же это полярно противоположные истории: **одна о человеке, который на наших глазах совершил преступление и был спасен, другая — о человеке, который на наших глазах не совершил задуманного преступления (растления Дуни) — и погиб**» (выделено Т. А. Касаткиной) [Касаткина, с. 202].

Если в «Преступлении и наказании» герои проходят или не проходят испытание тленом и смертью, вызванными «опьянением» от греха [Там же, с. 189], то в «Бесах» такое испытание прежде всего связано с особым духовным состоянием, которое святые отцы называют, следуя евангельскому пониманию, теплохладностью. Дважды прочитан вслух отрывок из одного из посланий Апокалипсиса — Послания Ангелу Лаодикийской церкви: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: Знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг...» (Откр. 3: 14, 15, 16, 17). Интересно, что Тихон читает отрывок по памяти, что сближает с ним грешную, но верующую Сою.

Не способный поступиться своей гордыней, не готовый идти путем покаяния, длительной, трудной, болезненной работы над собой, Ставрогин резко обрывает Тихона: «Довольно, — оборвал Ставрогин, — это для середки, для равнодушных, так ли?» [Достоевский, 1974б, с. 11]. Себя, особенного, «к середке» он не относит. Путь, который предлагает Христос, для Ставрогина закрыт, потому и следующий текст отсутствует: «Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться, и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть. Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся» (Откр. 14: 18, 19). В этом отсутствующем отрывке подчеркивается необходимость осознать свои недостатки и слабости, свою греховность, чего Ставрогин не может сделать, потому что он не знает себя [Сальвестрони, с. 112]. Вместо того, чтобы каяться, сокрушаться, Ставрогин, побежденный гордыней, продолжает реплику

очень характерно, как будто в параллель со словами Христа: «Знаете, я вас очень люблю» [Достоевский 1974б, с. 11]. Любопытно в этом эпизоде, что герой-читатель и герой-слушатель являются полными противоположностями. В «Преступлении и наказании» и Соня, и Раскольников — грешники, ищущие спасения, в «Братьях Карамазовых» отец Паисий и Алеша — верующие люди, вера которых подверглась испытанию, в «Бесах» читателем оказывается Тихон — человек веры, а слушателем — бунтующий Ставрогин. Такое различие увеличивает разрыв между героями, ярко выделяет греховность Ставрогина и святость Тихона. Скептически настроенный Ставрогин «хочет понять, может ли Тихон, святой человек, обладая чудотворной силой, освободить его от зла сразу же» [Сальвестрони, с. 109], но Достоевский показывает, что это невозможно, потому что для спасения своей души нужно трудиться. «Евангелие — это манифестация чудес там, где с волей Господней сотрудничала воля человеческая; и это несостоявшиеся чудеса — там, где такого сотрудничества не было» [Касаткина, с. 439]. Интересно здесь, что, в отличие от Раскольника и Алеши, которым читают отрывки о божественных чудесах, Ставрогину читают отрывок из Откровения Иоанна Богослова. Выбор именно этого текста подчеркивает трудность, почти невозможность возрождения для Ставрогина. Ему словно дается последний шанс покаяться в своих грехах перед Страшным судом.

Совершенно иначе воспринимается этот же текст из Апокалипсиса Степаном Трофимовичем, прочитанный ему также вслух спутницей последних дней его земного пути Софьей (!) Матвеевной: «Я никогда не знал этого великого места! Слышите: скорее холодного, холодного, чем теплого, чем *только* теплого. О, я докажу. Только не оставляйте, не оставляйте меня одного! Мы докажем, мы докажем» [Достоевский, 1974а, с. 498]. Чрезвычайно важно в этой реплике, что герой, дважды повторяя это, просит, чтобы не оставляли его одного. И здесь же Степан Трофимович прямо проецирует эти слова на свою судьбу и судьбы своих учеников, текст из Апокалипсиса, как увеличительное стекло, высвечивает суть духовного состояния целого поколения русских людей. Прозрение даруется герою, и потому, выслушав еще один фрагмент об исцелении бесноватшегося, прочитанный ему той же Софьей Матвеевной по его просьбе, он ставит точный диагноз духовному состоянию многих своих соотечественников: «Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! *Oui, cette Russie, que j'aimais toujours.* Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... *et les autres avec lui*, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...» [Там же, с. 499].

Хотя эпизод с чтением о Кане Галилейской имеет в своей структуре все те же составляющие, что и эпизоды в «Преступлении и наказании» и «Бесах» (герой-читатель, герой-слушатель, священный текст, кризис героя-слушателя и символическое значение для него прочитанного текста), он все же обретает свою особую специфику, которая выделяет его среди других фрагментов.

Прежде всего перед нами совершенно другой тип героя-слушателя. Алеша Карамазов — любимый ученик Зосимы, «ранний человеколюбец», как характеризует его автор в предисловии к роману, на первый взгляд является полной противоположностью Раскольникову и Ставрогину. Но вместе с тем в Алеше присутствует не только духовно возвышенное, но и частичка «земляной и неистовой силы» — «карамазовщины», которая движет его отцом и братьями. И именно после смерти старца Зосимы, перед эпизодом чтения Евангелия, Алешу начинает захватывать чувство сомнения в вере, на него влияют идеи Ивана, он погружается в свое горе и, потрясенный, не замечает, что происходит с окружающими его людьми. В этом кризисе раскрывается, какое значение имел для Алеши старец Зосима: в сознании Алеши старец заслони́л образ Бога. Герой идеализирует своего наставника, забывая, что «здесь, на земле, мы все — ученики и братья» [Касаткина, с. 387] и Зосима такой же ученик одного единственного учителя — Христа. Таким образом, в отличие от Раскольникова и Ставрогина, кризис Алеши связан не с полным отсутствием веры (он изначально верит в Бога), а с потерей ориентира в вере, со смещением угла зрения. Именно в восстановлении правильного видения фигуры старца, событий после его смерти и возрождения образа Божьего в сердце заключается роль чтения Евангелия Алеше.

Интересно в этом эпизоде и кто оказывается героем-читателем. Отец Паисий — духовник и приближенный старца Зосимы. Как и все, он ожидал чуда после смерти старца, и именно он читал Евангелие над гробом старца в тот момент, когда обнаружилось тление тела. Он стойко выдержал все происходящее, продолжал читать и защитил старца от нападков отца Ферапонта. Несмотря на случившееся, вера его оставалась крепка, что видно из его реплики, адресованной отцу Ферапонту: «Может, здесь “указание” видим такое, коего не в силах понять ни ты, ни я и никто» [Достоевский, 1976, с. 303]. Именно отец Паисий, увидев Алешу, почувствовал за него боль в сердце и «догадался, какая в минуту сию происходит в нем сильная перемена» [Там же, с. 305]. Отец Паисий оказывается тем, кто без слов угадывает состояние Алеши и его мысли. «Гордые, замкнутые, неспособные найти смысл своему существованию — Раскольников, Ипполит, Ставрогин и Иван Карамазов — каждый открывается по крайней мере один раз человеку, который каким-то образом вызывает в нем чувство доверия» [Сальвестрони, с. 72]. И этот аспект сближает Алешу с Раскольниковым и Ставрогиным, ведь в эту минуту он также потерял, и лишь один человек угадывает его мысли и становится читателем священного текста, который необходим Алеше, чтобы вернуть смысл жизни и правильные ориентиры. Чтение вслух само по себе призвано объединить людей вокруг одного текста. Читающий и слушающий одновременно воспринимают и осмысливают этот текст, и очень важно, что чтецом в этом эпизоде оказывается отец Паисий, человек очень стойкой веры, которая не пошатнулась от событий

с телом Зосимы. Через этот отрывок Евангелия отец Паисий как бы приобщает всех слушающих к своей непоколебимой вере, объединяет людей и призывает к совместной радости. Это помогает разорвать возникшую уединенность Алеши, его погруженность в самого себя и объединить его духовно с читающим отцом Паисием и остальными слушающими.

Другой важной особенностью эпизода чтения о Кане Галилейской является восприятие звучащего текста героем-слушателем. В отличие от эпизодов чтения о Лазаре и Послания Ангелу Лаодикийской церкви, герои не просто движутся по тексту, одновременно читая и слушая, а мы словно проникаем в сознание Алеши в момент слушания, мы слышим священный текст от лица героя. Из-за этой особенности мы можем наблюдать, как его посторонние мысли идут параллельно евангельскому тексту, а затем рассказ о Кане Галилейской становится его мыслями. Божественное слово будто проникает в его сознание, и слова уже звучат в его голове, а не откуда-то извне. Текст все больше увлекает его мысли в сторону размышления об этом чуде: «В самом деле, неужто для того, чтоб умножать вино на бедных свадьбах, сошел Он на землю? А вот пошел же и сделал же по Ее просьбе...» [Достоевский, 1976, с. 326]. Простота, материальность и обычность этого чуда сходны с тем, что произошло со старцем Зосимой. Это действительно было чудо, очень обычное (ведь все тела тлеют) и телесное, которое никто не смог понять, как и предвидел отец Паисий. «Тление отца Зосимы для многих является “опасным соблазном” — раскрывает скудость их веры, опирающейся только на доказательство, которое дает им внешнее, чувственно осязаемое чудо» [Нейчев, с. 45]. Но истинное чудо в этот момент должно происходить не в мире материального, а в мире духовного. Там старец лишь один из тех многих, кто хоть раз «подал луковку», но, как и они, призван на пир в Кане Галилейской. И в этот момент Алеша решает посмотреть на Христа, хотя поначалу «боится» и «не смеет» [Достоевский, 1976, с. 327]. Чудо в Кане Галилейской, как и чудо старца Зосимы, на первый взгляд носит бытовой характер, но в духовном смысле несет великую радость пришествия сына Божьего к людям и возможности быть причастным к этому веселью.

Важно отметить изначальную диалогическую природу мыслей Алеши в этом эпизоде. Сначала своеобразный диалог происходит между его мыслями и текстом Евангелия. Текст как бы звучит в его сознании, сменяясь его собственными мыслями, в которых заключена рефлексия над услышанным и ассоциативно возникающими посторонними образами. Когда Алешу посещает видение, он вступает в диалог с Зосимой. Такое построение можно описать термином М. М. Бахтина «двойные мысли». Они появляются там, где герои «...скрывают от себя то, что они на самом деле уже знают и видят. <...> Одна мысль — явная, определяющая содержание речи, другая — скрытая, но тем не менее определяющая построение речи, бросающая на него свою тень» [Бахтин, с. 275]. Можно сказать, что евангельский текст выступает здесь в качестве такой скрытой мысли. В этот момент Алеша действительно находится в состоянии выбора — поддаться мыслям Ивана и «карамазовщине» или прийти к истинной вере. Евангельский текст направляет его выбор в нужное русло, открывает ему глаза на природу тления тела Зосимы и полный любви и радости облик Христа.

Таким образом, мы выявили структурное сходство всех четырех эпизодов в романах Ф. М. Достоевского. Все эпизоды содержат в себе двух обязательных героев: героя-читателя и героя-слушателя. При этом героям-читателям отведена особая роль: все они стараются сделать текст живым для героя-слушателя, «заразить» его смыслами Писания, а не просто транслируют чужое слово. Для героев, читающих Священное Писание, это не просто текст, они живут с этой истиной внутри, в двух случаях из трех это подчеркивается чтением текста по памяти. При этом герой-слушатель не всегда поддается воздействию текста. Это зависит от готовности слушателя работать над собой для спасения души. А результата легче достичь, когда читатель и слушатель равны в своем положении (греховные Соня и Раскольников, переживающие испытание веры отец Паисий и Алеша), но герой-читатель более твердый в своей вере и передает это герою-слушателю. Сходны эпизоды и сюжетно: герою-слушателю читается текст, когда тот находится в кризисной ситуации и текст символически рассказывает о нем. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о метасюжете чтения вслух Священного Писания в романах Ф. М. Достоевского.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х — 1970-х гг. // Собр. соч. : в 7 т. М., 2002. Т. 6. С. 7–300.

Бл. Августин Гиппонский. Исповедь / пер. с лат. М. Сергеевко. М., 2012. 528 с.

Достоевский Ф. М. Бесы // Собр. соч. : в 30 т. Л., 1974а. Т. 10. 519 с.

Достоевский Ф. М. Бесы. Глава «У Тихона». Рукописные редакции // Собр. соч. : в 30 т. Л., 1974б. Т. 11. 415 с.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Книги I–X // Собр. соч. : в 30 т. Л., 1976. Т. 14. 511 с.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собр. соч. : в 30 т. Л., 1973. Т. 6. 423 с.

Захаров В. Н. Достоевский : очерк творчества. М., 2013. 456 с.

Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. 528 с.

Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского / пер. с болг. Т. Нейчевой ; предисл. И. Есаулова. Екатеринбург, 2010. 316 с.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. 336 с.

Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001. 187 с.

Степанян К. А. Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М., 2014. 208 с.

Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении : книга-комментарий. СПб., 2005. 472 с.

Турышева О. Н. Книга — чтение — читатель как предмет литературы. Екатеринбург, 2011. 286 с.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021 г.